

УДК 32.019.5**DOI: 10.34670/AR.2026.76.81.012****Политическая мифология в условиях специфической когнитивной среды****Потанин Станислав Сергеевич**

Аспирант,
Воронежский филиал
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
394005, Российская Федерация, Воронеж, Московский просп., 143;
e-mail: potaninstanislavsergeevich@gmail.com

Аннотация

Статья посвящена анализу механизмов функционирования политических мифов в условиях доминирования параноидального стиля в политике. На стыке политической науки, истории идей и политической психологии автор исследует, как макросоциальные кризисы и экзистенциальная тревога активируют компенсаторные когнитивные механизмы социальных групп. На примере исторических и современных кейсов демонстрируется, как апокалиптические конспирологические нарративы реконструируют разрушенную систему смыслов. Делается вывод, что параноидальная политическая атмосфера выступает специфической когнитивной средой, которая легитимирует дегуманизацию «другого» и трансформирует коллективный ресентимент в инструмент мобилизации и потенциального политического насилия.

Для цитирования в научных исследованиях

Потанин С.С. Политическая мифология в условиях специфической когнитивной среды // Теории и проблемы политических исследований. 2026. Том 15. № 5А. С. 102-110. DOI: 10.34670/AR.2026.76.81.012

Ключевые слова

Политический миф, параноидальный стиль, экзистенциальная тревога, идеология, политическое насилие, пропаганда, теории заговора, дегуманизация, когнитивное закрытие, конспирология.

Введение

Параноидальный стиль в политике заключается в ощущении индивидом или социальной группой враждебности со стороны аутгруппы по отношению к нации, культуре или образу жизни ингруппы. В основе параноидальной политики лежит мифологема о существовании зловещей и всемогущей сети заговорщиков (зачастую внутренних и внешних). Политическая паранойя вызывает у индивида чувство благородства, поскольку его политическая озабоченность носит не личный, но социальный, патриотический характер [Hofstadter, 2020, с.504]. В моменты кризисов, когда социальные группы чувствуют свою экзистенциальную уязвимость, параноидальный образ политического мышления становится нормой, так как он выполняет функцию восстановления самооценки группы [Pyszczynski, Wagoner, 2025].

Ричард Хофштадтер подчеркивает, что параноидальное мировосприятие подкрепляется большим количеством фактов, параноику необходимо собрать как можно больше доказательств и рационализировать свои взгляды. Внешне рассуждения конспирологов кажутся логичными, но при построении причинно-следственных связей, на этапе производства выводов из отобранных фактов, происходит «скачок воображения» [Hofstadter, 2020, с.532]. Действительно, в политической истории существует достаточно примеров реальных заговоров, но параноидальный стиль предполагает масштабный и зловещий заговор, где гигантская и скрытая система влияния была запущена для подрыва и уничтожения образа жизни группы [Hofstadter, 2020, с.525]. Сама история, в глазах параноика, движима трансцендентными, демоническими силами, воспринимается в абсолютных, манихейских, апокалиптических категориях: добро и зло, мы или они, всё или ничего. Апокалиптизм политического параноика близок к отчаянному пессимизму, но всегда останавливается за шаг до него; предполагается, что возможно предпринять какие-то действия для победы над «злом». Враг, угрожающий ингруппе, изображается как абсолютное зло, по чьей воле происходят кризисы, катастрофы и прочие невзгоды; он контролирует прессу, систему образования, влияет на сознание людей [Hofstadter, 2020, 528]. В современном мире апокалиптические идеи остаются такими же привлекательными и распространенными в разных социальных группах [Landes, 2011, с.8]. Параноидальная политика всегда подкрепляется радикальной политической мифологией.

В условиях кризиса и угрозы системе смыслов, обостряется запрос на когнитивное закрытие. Угроза идентичности, мировоззрению и системе смыслов порождает экзистенциальный кризис для устранения которого требуются четкие ответы, и твердая убежденность в истинности взглядов [Proulx, Heine, 2006]. Интернализация политических мифов является одним из способов придания значимости реальности, историческим событиям и действиям индивидов. Основной причиной реальных политических действий как следствия параноидальной политики становится то, что экзистенциальные кризисы, воспринимаемые группой, рожают потребность в восстановлении коллективной безопасности [Weber, 2023]. Параноик всегда выставляет себя жертвой, виктимизацией легитимируя последующее насилие [Landes, Katz, 2012].

Параноидальной политике присущ апокалиптизм, в терминологии которого конструируется такой образ другого, который вызывает чувство необходимости применения насилия. Это насилие будет восприниматься параноиком как служащее высшей цели, необходимое для того, чтобы сделать мир лучше [Strozier, 2012]. Важно подчеркнуть, что параноидальная политика является условием формирования дегуманизирующих нарративов, которые могут привести к политическому насилию и легитимировать его [Потанин, 2026].

Основная часть

Параноидальная политическая атмосфера становится когнитивной средой, способствующей распространению и закреплению политических мифов, связанных с внутренней и внешней угрозой, а также мифов, направленных на консолидацию общества. Хофштадтер приводит в пример риторику сенатора Джозефа Маккарти, оценивавшего план Маршалла как «злой обман, основанный на щедрости, доброй воли и безразличии американских граждан»; затем Маккарти утверждает, что ослабление американской мощи, происходившее с 1945 по 1951 год, не «просто случилось», но «было вызвано шаг за шагом, волей и намерением» и стало следствием не ошибок, но предательского заговора, «заговора такого масштаба, что он затмевает любое подобное предприятие в истории человечества»; итоговой целью заговора было «сдерживание и лишение способности действовать, чтобы в конце концов пасть жертвой советских интриг изнутри и русской военной мощи снаружи» [Hofstadter, 2020, с.523].

Мифологическую функцию часто выполняет история: изучая и пересказывая нарративы прошлого, люди придают смысл настоящему и будущему. Смотри на прошлое, мы ретроспективно определяем какие-то события, как отправные точки современных событий. Политические лидеры используют исторические нарративы для мифической легитимации своих политических действий. В условиях параноидальной политики апокалиптические политические мифы наиболее яркие и катастрофичны по последствиям. Сегодня такого рода мифы фигурируют в группах с радикальными фундаменталистскими и популистскими идеологиями [Styfhals, 2019, www].

В качестве наиболее яркого исторического примера политической структуры, построенной на параноидальных, апокалиптических основаниях, можно привести Третий рейх с национал-социалистической идеологией. Национал-социализм так же, как и прочие идеологии выполняет реляционную функцию, усиливая связь между сторонниками и подчеркивая антагонизм к группам, придерживающимся других ценностей (доводя эту черту до радикального предела) [Zmigrod, 2022].

Параноидальная политическая атмосфера в Германии была и до Первой мировой войны, но после проигрыша, на фоне усиливающихся социальных и экономических кризисов значительно усилилась. После проигрыша в войне в Германии обретает популярность «миф о вероломном ударе в спину, предательски нанесенном непобежденной на полях сражений армии коварным тылом – женщинами и уклонистами-дезертирами, социалистами и евреями и всеми, кто еще мог подойти под описание "внутреннего врага"» [Мюнклер, 2018, с.53; Vascik, 2016, с.4].

Антисемитская мифология представляет множество примеров для анализа, поэтому её апофеоз в немецком национал-социализме предельно демонстративен. Корни антисемитизма уходят далеко в историю, но рассматривая актуализацию этого явления в нацистской идеологии, следует уделить внимание нескольким факторам. Идеи антисемитизма получили новый виток развития во время Первой мировой войны. Несмотря на то, что многие немецкие евреи поддержали общегерманский позитивный настрой на войну, они стали «козлами отпущения» [Поляков, 2008, с.505]. Такая направленность мысли ещё больше укрепилась после революционных процессов в Российской империи и протестов внутри самой Германии.

Важно обратить внимание, как указывает Гетц Али — НСДАП была партией карьеристов, с ресентиментом из-за того, что евреи в Европе смогли получить высокий социальный статус. Хотя Адольф Гитлер верил, что евреи обладают особыми внутренними качествами, которые

отличают их от других людей, но важной причиной немецкого антисемитизма также является материальный конфликт интересов, и происходящая из этого зависть [Aly, 2014, с.5]. Материальные и идеальные причины тут показательно переплетены. Последствием этого было наделение социальной группы, воспринимаемой в качестве экзистенциальной угрозы, такими качествами как — аморальность, эгоизм, подлость; в то время как сами немцы воспринимали себя в терминах моральной образцовости.

Али утверждает, что антисемитская мифология произрастала из ситуации социальной турбулентности, возникшей из-за изменений в государственной системе: в Германии XIX века отменялись гильдейские ограничения, вводилось разрешение на торговлю, вне зависимости от класса, религии и т.д., что поощряло дух свободного предпринимательства. Немецкие христиане видели нововведения как чуму, а еврейское население как возможность. Как пишет Али: «евреи желали свободы, а христиане боялись её». Свобода связана с риском, к чему не привыкло христианское консервативное население, евреям же терять было нечего: изменение старого порядка гильдий и каст, пасторов и аристократии негативно на них не влияло, но открывало окно возможностей [Aly, 2014, с.15]. Следует отметить, что особую важность в функционировании параноидальной политики играет не только лидер мнений, но и публика имеющая запрос на миф и готовая воспринимать риторику параноидальной направленности. Люди, готовые принимать апокалиптическую мифологию, предварительно столкнулись с социальными переменами, вызвавшими возмущение, исторической несправедливостью, разжегшей ресентиментарные настроения [Williams, 2019].

На рубеже XIX и XX веков появился один из наиболее влиятельных политических артефактов, радикализирующих и продвигающих антисемитскую мифологию — «Протоколы сионских мудрецов», фальшивка, не раз впоследствии использовавшаяся, для объяснения различных политических кризисов, катастроф и событий. После 1917 года, обозначенный выше документ стал основным источником мифа о всемирном еврейском заговоре [Тагиефф, 2011, с.20]. «Протоколы» стали инструментом, с помощью которого: 1) были оправданы одни акторы и найдены «подлинные» виновные в Первой мировой войне и поражении Германии; 2) Были обозначены силы, стоявшие за «мировым капитализмом», демократическими режимами и большевизмом; 3) были найдены корни проблемы «духовного разложения» христианской цивилизации. Политическая значимость фальшивки состояла в обозначении «врага» в лице сионистов и евреев, якобы находящихся во главе всех исторически знаменательных событий и снятии ответственности с реальных политических акторов. После Второй мировой войны «Протоколы» стали использоваться с такими же целями в арабском мире [Тагиефф, 2011, с.21]. В XXI веке фальшивка всё ещё имеет популярность среди радикальной антисемитской публики [Landes, Katz, 2012].

Содержание «Протоколов» сводится к тому, что тайные еврейские религиозно-политические силы с помощью неких манипуляций сеют хаос в мире: вражду между государствами, недовольство внутри государств, навязывают аморальные практики обществу; всё это делается с целью ослабления наций для прихода к власти сионистского правительства, которое установит тоталитарную систему государственного устройства [Кон, 2000, с.10].

Консервативные элиты Германии распространяли фальшивку объясняя с её помощью поражение в Первой мировой и последующую Революцию в Германии [Кон, 2000, с.86]. Свидетельства очевидцев, наблюдавших реакцию общественности Веймарской республики на «Протоколы» и тот факт, что они были только за 1920 год перепечатаны несколько раз, доводя

тираж до 120,000 экземпляров, говорит о благосклонном принятии обществом идеи, заложенной в брошюре. Отмечалось, что большая часть пропагандистов «Протоколов» состояла из представителей интеллектуальных профессий: профессоров, учителей, адвокатов; а также распространялись в институтах, зачастую с одобрения администрации [Кон, 2000, с.90].

Целью сил, распространяющих «Протоколы» и прочую антисемитскую литературу, было получение голосов на выборах в первый рейхстаг республики в 1920 году и последующий приход к власти. Замысел осуществлялся за счёт игры на чувствах немцев, то есть, смещения ответственности за Первую мировую и проигрыш в ней, а также демонизацию республики и демократических сил, представление их как «детища сионских мудрецов». Стратегия оказалась действенной, за счёт использования ресентиментарной риторики правые и левые набрали большое количество голосов, а центристы и демократы потеряли [Галкин, 1989, www].

Благодаря параноидальной политической атмосфере, ставшей удачной почвой для распространения мифа о еврейском заговоре, ускоряющимися темпами преобразовывалась социальная реальность. В праворадикальной прессе, вроде «*Deutschvölkische Blätter*» и «*Völkischer Beobachter*», министроиностранных дел Вальтер Ратенау, бывший евреем, обвинялся во всевозможных проблемах Германии, желании принести немецкий народ в жертву, большевизме и тому подобных вещах. Ратенау был убит радикалами в 1922 году, убийцы были уверены не только в том, что министр действовал по указанию «сионских мудрецов», но и сам был одним из них [Кон, 2000, с.94]. Главный организатор преступления, Вилли Гюнтер, на предварительном следствии заявлял, что убийцы были поглощены «Протоколами» и схожими материалами, а также ссылался на Людендорфа, обвинявшего Ратенау в связях с тайным еврейским правительством, ответственным за развязывание войны [Кон, 2000, с.97].

Германские праворадикальные группы, используя «Протоколы», рисовали апокалиптическое видение мировой истории, где каждый еврей по рождению является врагом всего «арийского», немецкого. В параноидальном нацистском мировоззрении, мир четко делится на добро и зло, находящиеся в вечном противостоянии, и война, начатая в 1939 году, представляла собой финальную битву между этими силами [Кон, 2000, с.113]. Текст, легитимируя миф о еврейском заговоре, четко определяет врага — евреев, и оправдывает их уничтожение [Landes, 2012].

Любое препятствие на пути Гитлера к мировому господству, то есть, любое государство, желающее сохранить суверенитет и защитить свою территорию обозначалась как орудие в руках «сионских мудрецов» [Кон, 2000, с.125].

Профессор Томас Вебер указывает на утилитарную функцию антисемитизма Гитлера, который не сводится к первобытной ненависти, но отражает миссию поиска безопасности и национального выживания. Рефлексия о проигрыше в Первой мировой войне породила ресентимент. Гитлер пытался понять, каким образом Германия проиграла войну и что нужно сделать для того, чтобы страна не оказалась в таком положении снова. Пытаясь систематизировать и вывести какой-то конкретный ответ на вопрос о причинах политических бедствий, он пришел к выводу, что влияние евреев являлось основной угрозой политической мощи Германии. Второй проблемой, как указывает Вебер, была нехватка территории, людей и ресурсов. Эти две проблемы было необходимо решить для достижения безопасности на поколения вперед. Осознание кризиса и экзистенциальная тревога стали фактором, повлиявшим на формирование политического геноцидального антисемитизма Гитлера [Weber, 2023].

Три необходимых условиях, приведших к геноцидальному антисемитизму, согласно

Веберу: 1. Осознание, вера и тревожность по поводу экзистенциального национального и международного всеохватывающего кризиса. 2. Привязка евреев к этому кризису. 3. Перевод этой связи в тотальные решения и поиск постоянной безопасности. Вопрос безопасности, по мнению Вебера, является ключевым: поиск безопасности стал причиной радикализации и последующего геноцида [Weber, 2023].

Использование параноидального стиля в политической риторике характерно для любых политических лагерей и политиков разных взглядов. Например, в речах Дональда Трампа во время предвыборной кампании 2016 года отмечались характерные паттерны: упоминание событий, связанных с чувством национального стыда; акцент на вине политических элит; обещание восстановления величия под руководством Трампа. Особо подчеркивались виновные в угасающем величии США представители элит, иммигранты и т.д. Во внутренней аналитической записке Совета национальной безопасности США, отражавшей взгляды радикального крыла команды Дональда Трампа, отмечалось, что правлению Трампа угрожают представители масштабного заговора, куда входили академические представители культурного марксизма, глубинное государства (The Deep State), глобальные корпорации и банкиры, лидеры демократов, лидеры республиканцев и исламисты [Smith, 2017, [www](#)]. Несмотря на то, что Трамп находился у власти, документ был написан в пессимистическом тоне, как будто оппоненты уже скоро должны одержать победу, враги атаковали со всех сторон. Документ начинался с реальных положений о том, что Трамп критикуется в прессе, и политическая корректность ведёт к ухудшению критического мышления, но в какой-то момент совершался «скачок воображения» с переходом на то, что глобальные элиты навязывают культурный марксизм. Американский рабочий класс, выработавший ресентимент, столкнувшись с последствиями замедления экономического развития, глобализацией и ростом экономического неравенства воодушевленно принял антиэлитарную, антиинтеллектуальную и антииммигрантскую риторику Трампа [Williams, 2019]. Обозначив «козлов отпущения», Трамп пообещал избирателям долгожданный реванш и придал чувство значимости через лозунги вроде «Make America Great Again». Несмотря на отсутствие катастрофических социальных кризисов, параноидальная апокалиптическая риторика может оставаться успешным инструментом мобилизации.

Заключение

Современные социальные контексты также становятся источниками параноидальной политики: экономические кризисы, Covid-19, политические выборы и т.д. Подобные события вызывают у людей чувство онтологической небезопасности и тревоги, что создаёт необходимость укрепления социальных связей и когнитивного закрытия, чем пользуются различные политические силы [Till et al., 2025]. Отдельно стоит упоминать проблему развития искусственного интеллекта (ИИ), который уже стал неотъемлемой частью многих сфер жизни человека, и влияние которого продолжает увеличиваться; этот фактор видится наиболее значимым в контексте будущих экзистенциальных тревог и новых политических нарративов. Уже сейчас проблема ИИ обрастает параноидальной и апокалиптической мифологией, что требует дальнейшего анализа [Howland, 2025, [www](#); Fan, 2026, [www](#)].

Таким образом, политический миф в условиях параноидальной политики выполняет важнейшую психологическую и социальную функцию — защита от экзистенциальной тревоги

и возвращение социальной группе ощущения контроля над реальностью. Однако, как показывает история и современные популистские тренды, платой за такое когнитивное закрытие становится дегуманизация аутгрупп, виктимизация ингруппы и легитимация потенциального насилия. В XXI веке параноидальный политический стиль не исчезает, а находит новые триггеры — от социально-экономических турбулентностей до экзистенциального страха перед новыми технологиями.

Библиография

1. Галкин А.А. Динамика выборов в Веймарской республике / А.А. Галкин // Скепсис: научно-просветительский журнал. — 1989. — URL: https://sceptsis.net/library/id_2739.html
2. Кон Н. Благословение на геноцид / Н. Кон. — М.: Прогресс, 2000. — 172 с.
3. Мюнклер Г. Осколки войны: Эволюция насилия в XX и XXI веках / Г. Мюнклер. — М.: Кучково поле, 2018. — 384 с.
4. Поляков Л. История антисемитизма. Эпоха знаний / Л. Поляков. — М.: Мосты культуры, 2008. — 610 с.
5. Потанин С.С. Функция дегуманизации в политических мифах / С.С. Потанин // Теории и проблемы политических исследований. — 2026. — Т. 15. — № 3А. — С. 17-22.
6. Тагиефф П.-А. Протоколы сионских мудрецов. Фальшивка и её использование / П.-А. Тагиефф. — М.: Мосты культуры, 2011. — 584 с.
7. Aly G. Why the Germans? Why the Jews? / G. Aly. — New York: Metropolitan Books, 2014. — 290 p.
8. Fan S. AI Is Advancing Faster Than Our Ability to Understand It, Researchers Warn / S. Fan // Singularity Hub. — 2026. — URL: <https://singularityhub.com/2026/06/11/ai-is-advancing-faster-than-our-ability-to-understand-it-researchers-warn/>
9. Hofstadter R. Anti-Intellectualism in American Life, The Paranoid Style in American Politics, Uncollected Essays 1956-1965 / R. Hofstadter. — New York: Library of America, 2020. — 1047 p.
10. Howland J. Peter Thiel's visions of Apocalypse: Is AI the Antichrist? / J. Howland // UnHerd. — 2025. — URL: <https://unherd.com/2025/05/peter-thiels-visions-of-apocalypse/>
11. Landes R. Heaven on Earth: The Varieties of the Millennial Experience / R. Landes. — New York: Oxford University Press, Inc., 2011. — 499 p.
12. Landes R. The Melian Dialogue, the Protocols, and the Paranoid Imperative / R. Landes // The Paranoid Apocalypse: A Hundred-Year Retrospective on The Protocols of the Elders of Zion / ed. by R. Landes, S.T. Katz. — New York: New York University Press, 2012. — P. 23-34.
13. Landes R. Introduction: The Protocols at the Dawn of the 21st Century / R. Landes, S.T. Katz // The Paranoid Apocalypse: A Hundred-Year Retrospective on The Protocols of the Elders of Zion / ed. by R. Landes, S.T. Katz. — New York: New York University Press, 2012. — P. 1-23.
14. Proulx T. Death and Black Diamonds: Meaning, Mortality and the Meaning Maintenance Model / T. Proulx, S.J. Heine // Psychological Inquiry. — 2006. — Vol. 17. — No. 4. — P. 309-318.
15. Pyszczynski T. A terror management theory perspective on tribalism / T. Pyszczynski, J. Wagoner // The Tribal Mind and The Psychology of Collectivism / ed. by J.P. Forgas. — New York: Routledge, 2025. — P. 47-69.
16. Smith D. How Trump's paranoid White House sees 'deep state' enemies on all sides / D. Smith // The Guardian. — 2017. — URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2017/aug/13/donald-trump-white-house-steve-bannon-rich-higgins>
17. Strozier C.B. The Apocalyptic Other: On Paranoia and Violence / C.B. Strozier // The Paranoid Apocalypse: A Hundred-Year Retrospective on The Protocols of the Elders of Zion / ed. by R. Landes, S.T. Katz. — New York: New York University Press, 2012. — P. 34-49.
18. Styfhals W. Hans Blumenberg on Political Myth and the Apocalypse / W. Styfhals // JHI Blog. — 2019. — 11.09. — URL: <https://www.jhinlog.org/2019/09/11/hans-blumenberg-on-political-myth-and-the-apocalypse/>
19. Till F.J. Social Identification in Times of Crisis: How Need to Belong, Perspective Taking, and Cognitive Closure Relate to Changes in Social Identification / F.J. Till, J. Heimrich, S.B. Frenzel et al. // Journal of Applied Social Psychology. — 2025. — Vol. 55. — Iss. 1. — P. 38-51.
20. Vascik G.S. The Stab-in-the-back Myth and the Fall of the Weimar Republic / G.S. Vascik, M.R. Sadler. — London: Bloomsbury Academic, 2016. — 226 p.
21. Weber T. Germany in Crisis: Hitler's Antisemitism as a Function of Existential Anxiety and a Quest for Sustainable Security / T. Weber // Antisemitism Studies. — 2023. — Vol. 7. — № 1. — P. 152-179.
22. Williams G.P. What's the Matter with Resentment? Richard Hofstadter's Understanding of Political Paranoia / G.P. Williams // American Political Thought. — 2019. — Vol. 8. — No. 4. — P. 528-551.
23. Zmigrod L. A Psychology of Ideology: Unpacking the Psychological Structure of Ideological Thinking / L. Zmigrod // Perspectives on Psychological Science. — 2022. — Vol. 17. — Iss. 4. — P. 1072-1092.

Political Mythology in the Conditions of a Specific Cognitive Environment

Stanislav S. Potanin

Postgraduate Student,
Voronezh Branch
of the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration,
394005, 143, Moskovskiy ave., Voronezh, Russian Federation;
e-mail: potaninstanislavsergeevich@gmail.com

Abstract

The article is devoted to the analysis of the mechanisms of functioning of political myths in the conditions of the dominance of the paranoid style in politics. At the intersection of political science, the history of ideas, and political psychology, the author investigates how macro-social crises and existential anxiety activate the compensatory cognitive mechanisms of social groups. Using the example of historical and contemporary cases, it is demonstrated how apocalyptic conspiracy narratives reconstruct a destroyed system of meanings. The conclusion is drawn that the paranoid political atmosphere acts as a specific cognitive environment that legitimizes the dehumanization of the "other" and transforms collective resentment into an instrument of mobilization and potential political violence.

For citation

Potanin S.S. (2026) Politicheskaya mifologiya v usloviyakh spetsificheskoy kognitivnoy sredy [Political Mythology in the Conditions of a Specific Cognitive Environment]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 15 (5A), pp. 102-110. DOI: 10.34670/AR.2026.76.81.012

Keywords

Political myth, paranoid style, existential anxiety, ideology, political violence, propaganda, conspiracy theories, dehumanization, cognitive closure, conspiracy theory.

References

1. Aly, G. (2014). *Why the Germans? Why the Jews?* Metropolitan Books.
2. Fan, S. (2026, June 11). AI Is Advancing Faster Than Our Ability to Understand It, Researchers Warn. *Singularity Hub*. <https://singularityhub.com/2026/06/11/ai-is-advancing-faster-than-our-ability-to-understand-it-researchers-warn/>
3. Galkin, A.A. (1989). Dinamika vyborov v Veimarskoy respublike [Dynamics of elections in the Weimar Republic]. *Skepsis: nauchno-prosvetitel'skiy zhurnal*. https://scepsis.net/library/id_2739.html
4. Hofstadter, R. (2020). *Anti-Intellectualism in American Life, The Paranoid Style in American Politics, Uncollected Essays 1956-1965*. Library of America.
5. Howland, J. (2025, May). Peter Thiel's visions of Apocalypse: Is AI the Antichrist? *UnHerd*. <https://unherd.com/2025/05/peter-thiels-visions-of-apocalypse/>
6. Kon, N. (2000). *Blagosloveniye na genotsid* [Warrant for Genocide]. Progress.
7. Landes, R. (2011). *Heaven on Earth: The Varieties of the Millennial Experience*. Oxford University Press.
8. Landes, R. (2012). The Melian Dialogue, the Protocols, and the Paranoid Imperative. In R. Landes & S.T. Katz (Eds.), *The Paranoid Apocalypse: A Hundred-Year Retrospective on The Protocols of the Elders of Zion* (pp. 23-34). New York University Press.
9. Landes, R., & Katz, S.T. (2012). Introduction: The Protocols at the Dawn of the 21st Century. In R. Landes & S.T. Katz

-
- (Eds.), *The Paranoid Apocalypse: A Hundred-Year Retrospective on The Protocols of the Elders of Zion* (pp. 1-23). New York University Press.
10. Myunkler, G. (2018). *Oskolki voyny: Evolyutsiya nasiliya v XX i XXI vekakh* [Shards of War: The Evolution of Violence in the 20th and 21st Centuries]. Kuchkovo pole.
 11. Polyakov, L. (2008). *Istoriya antisemitizma. Epokha znaniy* [The History of Antisemitism. The Age of Knowledge]. Mosty kultury.
 12. Potanin, S.S. (2026) Funktsiya degumanizatsii v politicheskikh mifakh [The Function of Dehumanization in Political Myths]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy*, 15(3A), 17-22.
 13. Proulx, T., & Heine, S.J. (2006). Death and Black Diamonds: Meaning, Mortality and the Meaning Maintenance Model. *Psychological Inquiry*, 17(4), 309-318.
 14. Pyszczynski, T., & Wagoner, J. (2025). A terror management theory perspective on tribalism. In J.P. Forgas (Ed.), *The Tribal Mind and The Psychology of Collectivism* (pp. 47-69). Routledge.
 15. Smith, D. (2017, August 13). How Trump's paranoid White House sees 'deep state' enemies on all sides. *The Guardian*. <https://www.theguardian.com/us-news/2017/aug/13/donald-trump-white-house-steve-bannon-rich-higgins>
 16. Strozier, C.B. (2012). The Apocalyptic Other: On Paranoia and Violence. In R. Landes & S.T. Katz (Eds.), *The Paranoid Apocalypse: A Hundred-Year Retrospective on The Protocols of the Elders of Zion* (pp. 34-49). New York University Press.
 17. Styfhals, W. (2019, September 11). Hans Blumenberg on Political Myth and the Apocalypse. *JHI Blog*. <https://www.jhinlog.org/2019/09/11/hans-blumenberg-on-political-myth-and-the-apocalypse/>
 18. Tagieff, P.-A. (2011). *Protokoly sionskikh mudretsov. Fal'shivka i eye ispol'zovaniye* [The Protocols of the Elders of Zion. Fake and Its Use]. Mosty kultury.
 19. Till, F.J., Heimrich, J., Frenzel, S.B., et al. (2025). Social Identification in Times of Crisis: How Need to Belong, Perspective Taking, and Cognitive Closure Relate to Changes in Social Identification. *Journal of Applied Social Psychology*, 55(1), 38-51.
 20. Vascik, G.S., & Sadler, M.R. (2016). *The Stab-in-the-back Myth and the Fall of the Weimar Republic*. Bloomsbury Academic.
 21. Weber, T. (2023). Germany in Crisis: Hitler's Antisemitism as a Function of Existential Anxiety and a Quest for Sustainable Security. *Antisemitism Studies*, 7(1), 152-179.
 22. Williams, G.P. (2019). What's the Matter with Resentment? Richard Hofstadter's Understanding of Political Paranoia. *American Political Thought*, 8(4), 528-551.
 23. Zmigrod, L. (2022). A Psychology of Ideology: Unpacking the Psychological Structure of Ideological Thinking. *Perspectives on Psychological Science*, 17(4), 1072-1092.
-